

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕН ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

Чыонг Тхи Фыонг Тхань

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 марта 2017 г.

Аннотация: статья посвящена изучению семантики имен персонажей в повести «Котлован». Объясняется системность отбора антропонимической лексики и её происхождение. Выявляется также значение личных имен в повести.

Ключевые слова: имя персонажа, фамилия, отчество, прозвище, этимология, антропонимия.

Abstract: the article is devoted to the semantics of the names of characters in the novel «Kotlovan». The systemic selection of anthroponymic vocabulary and its origin is explained. The importance of personal names in the story is also revealed.

Keywords: name of characters, surname, patronymic, nickname, etymology, anthroponymy.

Имя персонажа — один из элементов, ярко выражающих характеристики, черты персонажей и идеи автора. Когда автор дает персонажу имя, у него уже есть представление о данном персонаже и свой художественный замысел. Некоторые имена стали типичными в литературе и могут передать не только всю характеристику персонажа, но и содержание произведения, например Евгений Онегин, Илья Обломов, Павел Корчагин и т. д.

В повести «Котлован» А. Платонова рассказывается о строительстве общего дома для пролетариата в городе. Этим же строителям отправляют в деревню, в колхоз имени Генеральной Линии. В отношении развития социализма в том виде автор выражал свои негативные позиции. В реализации этого единого строительства участвуют, в большей или меньшей степени, все герои произведения.

Платонов известен своей искусностью в придумывании имен персонажей в произведениях. Все имена строятся по типичной для русских имен схеме (при помощи суффиксов *-ев*, *-ин*) но не имеют «прямого» лексического значения.

Самая первая фамилия по своему смысловому объёму, как очевидно, фамилия главного героя повести *Вощев*. Эта фамилия этимологически не связывается конкретно ни с каким словом. Е. Толстая-Сегал пишет, что в фамилии *Вощев* «корень ассоциируется не только с *воск-/вош* — (как в *вощенный*), но также и с фонетически неотличимым *вообще*, в просторечии *ваще*; с близким *вотще* и *во щи*. Ряд фонетических аналогий можно продолжить русской поговоркой: *Попал как кур во щи (в ощип)*, в которой центральным является звуковой комплекс «*вощи*». Эти добавочные смыслы взаимодействуют друг

с другом, в результате получается как бы веер значений: *воск/вош* — актуализируется не значение «обыденный природный и хозяйственный материал», а «мягкий, податливый, поддающийся формовке», то есть то свойство воска, которое традиционно осознается как наиболее ему присущее; «*вообще*» напоминает о главном деле жизни героя — поиске смысла отдельного и общего существования, попытке додуматься до «плана общей жизни» [1, 154–155]: <...> «О чем ты думал, товарищ Вощев? ... — Я думал о плане общей жизни» [2, 103]; <...> «он почувствовал сомнение в своей жизни и слабость тела без истины, он не мог дальше трудиться...» [2, 105]; «И Вощев почувствовал стыд и энергию — он захотел немедленно открыть всеобщий, долгий смысл жизни, чтобы жить впереди детей, быстрее их смуглых ног, наполненных твердой нежностью». [2, 107]; «У меня без истины тело слабнет, я трудом кормиться не могу, я задумывался на производстве, и меня сократили...» [2, 111]. Е. Толстая-Сегал связывает эту фамилию и с *вотще* — идеей тщеты и разочаровывающей безрезультатности такого поиска и обреченности героя [1, 154–155]: «Он уже не знал, где же теперь будет коммунизм на свете, если его нет сначала в детском чувстве и в убежденном впечатлении? Зачем ему теперь нужен смысл жизни и истина всемирного происхождения, если нет маленького, верного человека, в котором истина стала бы радостью и движением? Вощев согласился бы снова ничего не знать и жить без надежды в смутном вождении тщетного ума, лишь бы девочка была целой, готовой на жизнь, хотя бы и замучилась с течением времени» [2, 232].

Станным образом этот спектр значений объясняет логикой развития этого образа в повести — от надежды обрести «всемирную истину» к осозна-

нию (после смерти Насти) тщетности общих усилий в достижении идеала и личного существования и всё это совпадает с основными семантическими и сюжетообразующими характеристиками персонажа» [3; 64,65].

Другие фамилии, которые считаются традиционно русскими — *Медведев, Козлов, Сафронов*. Очевидна лишь сюжетная этимология фамилии *Медведев*: *Медведев* и есть *медведь*. Абсолютно реалистическая фамилия принадлежит, однако, совсем не традиционному персонажу — медведю-молотобойцу, который обладает классовым чутьем: «Пока Елисей равнодушно ходил на Оргдвор, медведь сделал четыре подковы и просил еще трудиться...» [2, 200]; «Девочка все время следила за медведем, ей было хорошо, что животные тоже есть рабочий класс...» [2, 201].

В повести медведя именуют *Мишей*, даже *Миш* — в обращении к медведю кузнеца при первом знакомстве: «Скорее, Миш, а то мы с тобой ударная бригада!» [2, 199], *Мишкой*, *Михилом*. А Михаил с древнееврейского означает «равный Богу» [4, 241], то есть при этом молотобоец переходит как бы на иную социальную ступень. Олицетворение медведя выражается не только тем, что пролетарский молотобоец Миша вместе с людьми раскулачивает зажиточных крестьян в колхозе имени Генеральной Линии, но и тем, что Настя даёт ему фамилию, она называет его *Медведевым Мишкой*. И теперь медведь имеет полные характеристики человека: «В барак пришел Воцев, а за ним Медведев и весь колхоз» [2, 232].

Фамилия *Козлов*, так же как и фамилия *Медведев*, образуется от названия животного *козёл* при помощи суффикса *-ов*. Но в отличие от *Медведева*, что Платонов именует его *Медведевым*, потому что он и есть медведь, *Козлов*, как любой *козёл*, самая презренная личность в коллективе: «Не выдумаешь, — не отвлекаясь, сообщил Сафронов, — у тебя не будет памяти вещества, и ты станешь вроде Козлова думать сам себя, как животное». [2, 118]; «Козлов, ты скот! — определил Сафронов» [2, 120]. Он «слабый» и в духовных, и в физических силах и всегда переживает критические оценки Сафронова: «Козлов опять слаб! — Не переживает он социализма — какой функции в нем не хватает!» [2, 126].

Таким образом, *Козлов* и *Медведев* оказываются антиподами — но не только потому, что сами они — разные существа, а эпонимами их фамилий являются названия животных, а потому, что один — презираемый «паразит»: «Сафронов, услышав от Козлова эту мысль, счел его паразитом...» [2, 143]), а другой — уважаемый пролетарий: ««Медведь — правильный пролетарский старик», — мысленно уважал Чиклин» [2, 214].

В повести присутствует такой персонаж, который, как было сказано выше, всё время критикует, даже ругает *Козлова* — *Сафронов*. *Сафронов* из гре-

ческого языка, *Софрон* — значит *благоразумный* [4, 301]. Это значение достаточно совпадает с основной характеристикой персонажа. Автор звал его даже товарищем при первом появлении в повести: «Но теперь он поел хладнокровно, и наиболее активный среди мастеровых, товарищ Сафронов, сообщил ему после питания ...» [2, 112]. Это правда, что он настоящий активный социалист, который может часами слушать лозунги и призывы руководства: «Сафронов слушал и торжествовал, жалея лишь, что он не может говорить обратно в трубу, дабы там слышно было об его чувстве активности, готовности на стрижку лошадей и о счастье» [2, 112].

Следующий герой в повести «Котлован» — председатель окрпрофсоюза. Его зовут *Лев Ильич Пашкин*. На первый взгляд, его имя *Лев Ильич* ассоциируется с названием животного, так же как и *Козлов* или *Медведев*, но в нём возникает ассоциация с именами известных политических деятелей Ленина (Владимир *Ильич*) и Троцкого (*Лев* Троцкий), который был предан остракизму, и образ Пашкина все стремительней приобретает черты политической карикатуры, воплощавшей целый комплекс отрицательных характеристик. Поэтому понятна реакция «проверяющих» деятельность Пашкина: «Даже к имени придирались: почему и Лев и Ильич? Уж что-нибудь одно!» [2, 133]. Общими чертами для этих известных политиков является активное жизненное начало, духовная или физическая сила. Всего этого совершенно лишен персонаж, что создаёт контраст между персонажем и политическими деятелями, и единственное, что его роднит с ними, — это положение «лидера». При таком контрасте не стоит удивляться, что свое будущее в «новом мире» Лев Ильич Пашкин представляет в виде минимальной единицы — точки: «Пашкин же, пока шел по вестибюлю, обдумал увеличить котлован не вчетверо, а в шесть раз, дабы угодить наверняка и забежать вперед главной линии, чтобы впоследствии радостно встретить ее на чистом месте, — и тогда линия увидит его, и он запечатлеется в ней вечной точкой» [2, 168].

Как мы уже убедились, в повести случайность в употреблении того или иного варианта имени исключена, но форма именования героя по его деятельности тоже хорошо характеризует персонажей: такие персонажи, как активист, поп, председатель сельсовета.

Активист вообще не имеет имени, этот персонаж условен и символичен, внешний портрет его, как правило, отсутствует, его заменяет символическая деталь, штрих, дающий сущностную характеристику активисту: «Активист наклонился к своим бумагам, прощупывая тщательными глазами все точные тезисы и задания; он с жадностью собственности, без памяти о домашнем счастье строил необходимое будущее, готовя для себя в нем вечность, и потому он сейчас запустел, опух от забот и оброс редкими волосами. Лампа горела перед его подозрительным

взглядом, умственно и фактически наблюдающим кулацкую сволочь» [2, 170]. Платонов выбрал форму именования героя по его социально-общественной роли (он инициатор и руководит раскулачиванием «зажиточного бесчестья» в колхозе имени Генеральной Линии), которая в данном случае особенно явно выражает и его суть, и авторское неприязненное к нему отношение: «...здесь живет активист общественных работ по выполнению государственных постановлений и любых кампаний, проводимых на селе» [2, 170]. Не случайно он не имеет ни лица, ни имени и говорит «вполне по завету», что и должен, по христианскому преданию, делать слуга дьявола, пародируя Христа. Даже само слово «активист» весьма созвучно слову «антихрист» [5, 193].

На селе была даже сокращенная форма от «активиста» — «актив»: «В избе-читальне стояли заранее организованные колхозные женщины и девушки.

— Здравствуй, товарищ *актив!* — сказали они все сразу.

— Привет кадру! — ответил задумчиво активист и постоял в молчаливом созерцании» [2, 185].

Имя, словесный облик имени приобретают в «Котловане» особый вес. Имя нередко сразу с максимальной полнотой представляет героя. В этом произведении речь идет об *Иване Семеновиче Крестинине*, эпизодическом персонаже в повести, которому отведен всего один, но очень значимый в концептуальном отношении эпизод. Во всей повести Иван Семенович Крестинин единственный, кому даны имя, отчество, фамилия, что уже само по себе формирует впечатление о нём как о человеке уважаемом. Фамилия *Крестинин* точно связывается со словом *крестьянин*, а имя *Иван* — популярное имя для всякого русского). Крестинин своими руками выкорчевывает молодые садовые деревья, и это выкорчевывание считается знаком несостоявшейся гармонии мира человека и мира природы, это трагическая метафора, за которой — судьба российского крестьянства: «Старый пахарь Иван Семенович Крестинин целовал молодые деревья в своем саду и с корнем сокрушал их прочь из почвы, а его баба причитала над голыми ветками; (...) деревья эти — моя плоть, и пускай она теперь мучается, ей же скучно обобществляться в плен!» [2, 192–193].

Еще одним персонажем повести Платонова «Котлован» стал инвалид, потерявший ногу во время первой мировой войны и передвигающийся на тележке, по фамилии *Жачев*. «Фамилия *Жачев*, — как полагают А. Булыгин и А. Гущин, — вызывает многочисленные ассоциации: здесь и *жать*, и *жадность*, и *жалость*, и *жар* и др. Однако все это не более чем ассоциации, и выстраивать на их основе концепции довольно рискованно. Обнаруженное А. Харитоновым диалектное слово «*жачить*» (много работать) не дает оснований считать инвалида каким-то особенным тружеником — как мы уже убедились, зна-

чение внутренней формы фамилии героя у Платонова может быть прямо противоположно содержанию образа» [6, 229]. Трудно согласиться с таким мнением.

Грубость Жачева на виду: «Имей в виду — любой кодекс для меня слаб! Здесь инвалид вырвал из земли ряд роз, бывших под рукой, и, не пользуясь, бросил их прочь» [2, 132]; (...) «Вам, товарищ Жачев, я полагаю, уже достаточно бросать свои выраженья...» [2, 152]. Однако трудно сказать, почему А. Платонов избрал фамилию, образованную, видимо, от французского варианта имени *Яков (Жак)*. Быть может, как продолжение ряда *Лев Ильич: Яков (Свердлов)*.

И наконец, самый яркий смысл носит имя *Настя*, символизирующей счастливое будущее общества: «Зафиксируй, товарищ Пашкин, Настю — это ж наш будущий радостный предмет!» [2, 167]. Настя противостоит активисту. Активист — средоточие умертвляющей силы, центр отталкивания; Настя — начало живое, центр притяжения. *Настя* — *Анастасия* из греческого «возрождение» [4, 114]. Это значение доказано несколькими такими фактами: Настя действительно в буквальном смысле выходит из могилы: Чиклин спасает её по существу из могилы, комнаты, в которой умерла её мать и в которой Чиклин сделал «склеп» для умершей. Однако значение имени *Настя* оказывается трагически противоречивым с её судьбой: она предназначена для того, чтобы перейти в новую, вечную жизнь, но она погибает, унося собой надежду и веру в будущее. Смерть *Настя* — сюжетный и смысловой итог повести. И её могила общепролетарского дома мрачно символизирует утопическое счастье.

Таким образом, чтобы понять значение имен персонажей повести «Котлован», необходимо обратить внимание не только на сами имена, но и на такие факты, как: сюжет произведения, контексты, авторское описание героя. Анализ имён персонажей помогает нам больше понять и их характеристику и смысл, который автор хочет выражать через имена этих художественных образов. Самую главную функцию в смысловом выражении играют имена *Вощева* и *Настя*. *Вощев* осознал, что смерть *Настя* — «возрождения» уносит всю надежду и веру в лучшее и счастливое будущее, и теперь поиск смысла жизни лишь тщетность в фантастическом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстая-Сегал Е. О связи низших уровней текста с высшими (проза А. Платонова) / Е. Толстая-Сегал. In: Slavica Hierosolymitana 1978, Vol. 2. p. 169–212.
2. Платонов А. П. Повести и рассказы / А. П. Платонов. — М.: Эксмо, 2003. — 448 с.
3. Крючков В. П. Вощев и его поиски вещества существования. О символике имени главного героя повести А. Платонова «Котлован» / В. П. Крючков // Журнал «Ли-

тература в школе», 1998, №7, Тампере : Отпечатано АО «Алпринт», 1998.

4. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. — М. : АСТ, 1998. — 528 с.

5. Пастушенко Ю. Поэтика смерти в повести «Котлован» / Ю. Пастушенко // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 2. По материалам второй Международной научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения А. П. Платонова.

17-19 октября 1994 года. М. : Наследие, 1995.

6. Булыгин А. К. Плач об умершем боге. Повесть-притча Андрея Платонова «Котлован» / А. К. Булыгин, А. Г. Гущин. — СПб., 1997.

7. Ковалёв Г. Ф. Пушкин и имя / Г. Ф. Ковалёв. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2009. — 218 с.

8. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego / A. Brückner. — Warszawa, 1957.

Воронежский государственный университет

Чыонг Тхи Фыонг Тхань, аспирант кафедры славянской филологии

E-mail: phuongthanh2310@gmail.com

Voronezh State University

Truong Thi Phuong Thanh, Postgraduate Student of the Slavic Philology Department

E-mail: phuongthanh2310@gmail.com